Книга эвенских сказок

Недавно Кирьяк Степанович Черканов, сотрудник Быстринского музея, заключил договор с Камчатским отделением издательства «Дальиздат» на выпуск книги эвенских сказок. Они будут опубликованы на двух языках — эвенском и русском.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей одну из сказок, которые войдут в книгу.

КАРЛИК ПЭЧЭРЭ

Одинокая дева далеко ездила на охоту. Видит вдруг — между кочек карлик с мышкой сражается. Карлик копьем, еле заметным, успевает метко ударить по мышке. Пока она смотрела, тот крепко прижал зверюшку под кочку. Всадница, отъехав дальше, думала о только что виденном.

— Бедняга карлик. Увезу-ка потом домой. В рукавицу положу.

Возвращаясь, нарочно проехала там же, высматривая карлика. А тот, кого она жалела, видит, все-таки добил мышку. И пластать заканчивает. И вправду бедняжка — весь мокрый от пота. Грязное лицо вытирает рукавом. Весь занятой, даже голову не поднял. Дева, едущая на верховом олене, обратилась к нему, все еще жалеючи:

— Незнакомец, не мучай себя. Мышь — разве еда? Поедем ко мне. Я-то сама сегодня ничего не видела. Но запас есть. Захочешь, останешься. Очаг хоть не будет пустовать. Будем вместе, добудем еду.

Карлик свежует, так и не глянув вверх. И уехала дева, огорченная, домой.

— Настойчивый карлик, хоть он с добычей. Не то что я, сколько ведь проездила бестолку. Завтра спозаранку опять ехать.

Прибыла дева к себе. Затопив костер, котелок повесила, сварить что из запасов. И слышит, едет кто-то. Выглянула в дверь, а там добрый молодец оленей развьючивает. Застеснялась дева, так и не вышла. Смотрит, как молодец сам, что поделаешь, вьюки собрал. А закончив, спросил:

— Не в юрту ли девы-всадницы я попал? Вроде, она не так давно наблюдала, как карлик Пэчэрэ свежевал свою добычу.

Тогда только хозяйка юрты поняла все, вышла навстречу. И верно, это был тот карлик, которого она хотела увезти в рукавице. Вот так. Удачливый, настоящий охотник Пэчэрэ нарочно стал карликом, чтобы испытать, узнать душу женщины. Понравилась дева своим участием к судьбе карлика, готовностью помочь. Это и привело его к решению жить дальше вместе. Так они и поженились. И до сих пор вместе живут.

НА РАССВЕТЕ

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ КРАЙ РОДНОЙ!

В ТРЕТИЙ раз за ночь табун улегся на отдых. Значит, скоро утро. Светится сумеречной пеленой зарево весенней ночи, тускло отражаясь на темных склонах гор. И говорить, что в предрассветный миг вокруг тишина, было бы неверно. Ведь и не прислушиваясь, не поймешь: то ли голова гудит от непрестанной ходьбы с пасущимися оленями, то ли воздух звенит от земного дыхания. Явно слышен лишь гул невидимой реки. То нарастающий, то опять утихающий. Да изредка фыркает во сне спящий олень.

Вот и небо помалу светлеет, обволакиваясь перьями облаков. Повеяло ветром, и лес начал просыпаться. Зашевелились ветки кедрача, шепчась друг с дружкой.

Неожиданно раздался будоражащий вскрик «куропаша», словно спугнутого кем-то. Ведь недаром даже медведь, говорят, невольно вздрагивает, когда прямо из-под носа его вспархивает с таким воплем эта незаметная в траве птица. Где-то ответила другая. И враз загомонила вся тундра.

Рядом на кочку приземлился самец в пестром весеннем наряде. Он вызывающе уставился на меня. Мол, будем знакомы.

«Кабев, кабев, кабев...», — по-эвенски так и зовут куропатку. Птицы тарахтят повсюду. Вон две сцепились, дразнясь:

— Кабев, кабев...

— Ка-ак? Как?!

— Кабев! Вот ка-ак...

Потом, успокоившись, лишь изредка грозятся:

— Кабы, кабы, каб, каб, каб...

Кедрачи недовольно загудели, осердясь на бесцеремонность бедовых куропаток, так нахально нарушивших их покой.

Пролетела, пронзительно вереща, какая-то пташка. Оленуха подняла голову, — уши настороже. Рядом вскакивает ее малыш. Но уткнувшись мордочкой в мать, мирно ложится. И тут же засыпает, убаюканный переливчатым звоном. Самого жаворонка не видно. Лишь трель разливается вокруг, рассеивая остатки сумеречных теней. Глухарь где-то токует, задумчиво и оттого бесконечно: «Там-там-та-там!». Искусней оказался дятел, выводивший веселую звонкую дробь.

— Какую, какую, какую? — начала оповещать кукушка.

— Ну и кочуй, — говорю я ей. А кулик подгоняет:

— Чог, чог! Чего, чего!

— Кочую, кочую!

— Витло, витло... видно, видно, — отвечает длинноклювый.

А кукушка заупрямилась, ну никак не может кончить свое «ку-ку». И даже ворона не смогла перебить ее, когда ворчливо переспрашивала: «Как, как, ка-ак?!».

Постепенно утихают мелодии рассветного утра. Олени поднимаются, выходят один за другим пастись на ягельнике. Спокойно уходят пантачи, не обращая внимания на толчею вокруг. А исхудавшие, облезлые, глядеть не на что, оленухи, никак не угомонятся. Им уже не до утренних мотивов, хотя и слышится в их хорканьи незатухающее пережитое:

— Браво, бр-р-раво, раво-ра...

Им уже не до того, чтобы искать в неразберихе стада зазевавшихся детенышей. Над недавней тишиной — заполошный гул. Хрипло орут важенки, и оленята ревмя ревут, подзывая своих матерей. А вечно недовольный ворон, пролетая, гнусавит охриплым клекотом: «Плонхо, плонхо!!!».

Занавес-зарница медленно поднимается к поднебесью. НАСТУПИЛ НОВЫЙ ДЕНЬ.

К. ЧЕРКАНОВ,
сотрудник районного музея.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

КАК СТАРИКИ ПОРУГАЛИСЬ

ЭВЕНСКАЯ СКАЗКА

НА СОЛНЕЧНОМ пригорке жили неугомонные мыши. Без устали трудились, собирая припасы на зиму. Далеко разбредались они по округе в поисках корней саранки и потому всегда были в курсе всех лесных новостей.

Собираясь, рассказывали друг дружке про все события дня.

— А Мочинука опять куропатку поймал и как всегда, съел в одиночку, а старухе одно крылышко принес. И не впервой ведь так. Да еще, как обычно, говорит, что это мы его добычу объедаем. Ну и пройдоха, жадина! Из всех исэгдэ (одетых в шкуру) один такой!

А были они соседями. Мыши часто наведывались к старикам. И, между прочим, прибирали крохи, чтобы не пропадали бестолку.

Как-то в ясный день мышиный народ собрался на солнцепеке. Увидев идущего мимо соседа Мочинуку, все бросились наперерез:

— Дедушка, дед! Иди к нам в гости! Мы тебя супом угостим.

Мигом поставили здоровенный котел с кровяным варевом, заправленным разными приправами. А запах такой душистый, что обжора аж упал на колени и, захлебываясь, весь котел опустошил, так и не подняв головы. Раздулся так, что даже подняться не смог. Там же уснул, сытно отдуваясь.

А тем временем, мыши стянули с Мочинуки штаны, прогрызли множество мелких дыр и напялили снова, теперь уж, на голову. Стали тормошить заспавшегося обжору. Коекак охучавшись, Мочинука стал ругаться, поводя головой во все стороны:

— Эро, вот дела! Вот! Ну и спал! Звезды сверкают уже, аж глазам больно! Прямо солнцем искрятся. Что так поздно разбудили, а соседушки?

— Жалко было, ты же так сладко похрапывал, — пищат в ответ мыши, еле сдерживаясь от смеха.

— Не беда. Только вот старуха заждалась. Ну, сегодня потерпит. А угощение у вас — до сих пор внутрях муторно. Может, от того и никак не разберусь в звездах, ночь сейчас, или заполночь? Что-то небо не так светится!

Идет бедолага, о кочки спотыкаясь. А старуха в это время, среди ясного дня, шкуру скоблила, укрывшись от солнца в тени юрты. Удивленно глянув на старика, она возмутилась:

— Ты что так рано?! От жары рассудка лишился?

— А ты что болтаешься? Ведь уже ночь давно, поздно!

— Ночь?! Давно?! Рехнулся старый... А штаны зачем на голову натянул?!

Мочинука хвать за голову, дерг и тут же глазами хлоп-хлоп. Опомнившись, подхватил посох и, проклиная мышей, припустился к норам. А там далеко слышен веселый гомон, прерываемый визгом-смехом. Потешаются мыши над поглупевшим от ненасытности жадным стариком. Увидели семенящего второпях разъяренного старика и, как ни в чем не бывало — навстречу.

— Бедняжка дедуля, уже проголодался... А мы опять супчик сварили, только с корнями саранки. Попробуй...

Мочинука и забыл о своих угрозах наказать шутников. И на этот раз нахлебался варева до отвала. И вконец разморенный, притих, растянувшись на спине. Тут ему мыши глаза затянули полоской шкуры с длинной шерстью, красной от сока ольховой коры. Потом кое-как подняли старика, и полусонного повели домой. Там Мочинука, наконец, с трудом продрал глаза и сразу как заорет:

— Гори-им, старуха! Куда пропала, бездельница? Юрта горит! Везде пожар! Даже небо огненное!

Шустрые мыши разом исчезли. Хозяйка выглянула из-за дверей:

— Где горит?!

— Вокруг ведь все полыхает! И сама уже горишь!

— Сумасшедший... Беда, чистая беда! А что ты глаза завязал?

Сорвал старик повязку и вприпрыжку назад, к мышам. Те уже готовятся к приходу гостя. Главный вход расширили, открыв запасные. Торопятся:

— Скорей, быстрей! Вон, уже плетется... Повадился... И верно, ума лишился от жадности. Ладно, встретим...

А Мочинука издалека уже посохом грозится:

— Вот проучу сейчас за ваши проделки! Издеваетесь!!!

— А ты не будь жадиной! И бабушку не обижай!

Мочинука стал гоняться за зверьками, а те в нору от него. Полез за ними, хочет схватить хоть одного. Старик протиснулся в дыру, что только пятки стали видны. Застрял, и ни туда, и ни сюда. Устал ворочаться, земли наглотался. Под конец стал просить:

— Ребята, пожалейте меня. Освободите. И я вас зря обижать не буду. И другим накажу.

— А жадничать будешь? А бабушку досыта кормить?

— Не буду, буду.., не буду, — совсем запутался бедняга.

Только тогда зверушки помогли соседу выбраться наружу. А тот, уже дома, позабыв про все, накинулся на свою старуху:

— Это, наверное, ты подговорила мышей?!

— С чего ты взял такое? Они же, наоборот, не раз угощали...

— Чтобы потом поиздеваться... А откуда знаешь, что я... был у них? Сговорились! Научила их разным этим штучкам!

— А ты не дрыхни, где попало! Так они и в рот тебе залезут.

— То-то, и сама смеялась! Какая ночь? Какой пожар?! Твоя работа.

— Да, хоть бы и так!

Так переругавшись не на шутку, схватились и, сцепившись, скатились кувырком под обрыв. И бултых в протоку. А там по перекатам, превратившись в чавыч, стали гоняться друг за дружкой. И с тех пор вот так они и плавают поныне, задираясь меж собой, пока от них не остаются лишь лохмотья. Вот так. Потому и говорят: «Не ругайтесь бестолку, иначе и вас постигнет такая же участь».

К. ЧЕРКАНОВ,
работник музея.

За редактора
В. ИВАНОВ.